

УДК 316.7

DOI: 10.34670/AR.2020.59.72.006

Начало Второй мировой войны как основное противоречие «немецкой культурной нации»

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу противоречивости начала самой кровавой войны XX столетия: как в стране великих поэтов и мыслителей, для которых понятия „патриотизм“ и „культура“ служили критерием миролюбия и творческого созидания, созрела идея подчинения и уничтожения другой культуры и народов.

Эпоха Гёте и Шиллера была ознаменована появлением понятия „немецкая культурная нация“, понятие, которое ориентировало немцев на культурное созидание в рамках „немецкого патриотизма“. Понятие „патриотизм“ в Германии до великих катастроф двух мировых войн для „ведущих личностей“ было связано с представлением о новом и лучшем общественном порядке, централизованным государством и культурной идентичностью немцев.

Личность формируют культурные, социальные и исторические факторы, однако мы должны исходить из того, что культурно-символическое, социальное и историческое понимание уже интегрировано в индивидуальность. Культурное движение „немецкая культурная нация“ оперирует понятиями „патриотизм“ и „культура“ в историческом и политическом пространстве, однако ценностное значение для него имеет жизнь индивида. Гёте и Шиллер указывают путь, который освобождает жизнь личности от насилия и воинственности.

Актуальность данной темы заключается в понимании предназначении культуры, как смысла человеческого существования без политических и военных катастроф. Глобальный культурологический вызов современной эпохи – исключить войну из жизни как форму истории. Мир, как часть истории, не может быть продолжением войны. „Ведущие личности“ Германии очертили культурно-политическую парадигму личности в истории и в условиях, которые она диктует. В этой схеме нет места войне, а действует только мудрость.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Начало Второй мировой войны как основное противоречие «немецкой культурной нации» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 3А. С. 72-82. DOI: 10.34670/AR.2020.59.72.006

Ключевые слова

Патриот, культура, «ведущие личности», война, «немецкая культурная нация».

Введение

В пылу критики национал-социалистического прошлого Германии мы забываем о важном понятии, которое зародилось для создания единого централизованного государства – „немецкая культурная нация“. В основе этого термина культурологические понятия „патриотизм“ и „культура“ играли ключевую роль, а возглавили это культурное движение „ведущие личности“ Германии: Гёте, Шиллер, Клопшток, Уланд и др. Немцы надолго стали страной великих поэтов и философов без войны и великих политических потрясений.

75-летие Победы в Великой отечественной войне возвращает нас к анализу начала Второй мировой войны. «Воля к войне», за которую Германию однажды уже осудили, проявилась, а искупление вины за войну растянется на многие годы.

Основная часть

Немецкий философ и культуролог Шпенглер когда-то охарактеризовал окончание Первой мировой войны, как начало Второй мировой. В это роковое время «грандиозная историческая эпоха открылась не только для фаустовской культуры Западной Европы с ее поразительной динамикой, но и для всей мировой истории, эпоха более величественная и ужасная, чем времена Цезаря и Наполеона» [Шпенглер, 2007, 15].

Шпенглер согласен с мнением многих политиков и культурологов – Первой мировой войны «можно было бы избежать при большей дипломатической честности и удачливости» [Шпенглер, 2007, 32].

Разумеется, противники разразившейся Великой войны «судят, прежде всего, - с оглядкой на Германию, - о воле к войне и вине за войну» [Шпенглер, 2007, 32].

Германия могла стать образцом для сохранения фаустовской культуры.

Однако с новой политической культурой – национал-социализмом – она стремилась к прямому военному столкновению с остальным миром. Политическую культуру в этом контексте следует понимать как часть общей интегрированной культуры.

После Вестфальского мира 1648 года в Германии патриотические силы, которые стремились к созданию централизованного государства, создали для этой цели общественное политическое движение. Это общественное движение с политическими и культурными целями получило судьбоносное название „немецкая культурная нация“ [Данн, 2003, 43].

Для разрешения государственного кризиса интеллигенцией Германии впервые был выдвинут особый немецкий патриотизм – *Vaterlandsliebe*. Немецким патриотом в раздробленной Германии XVIII века Культурное движение за мирное политическое и централизованное объединение страны требовало считать, согласно Данну, ту часть интеллигенции, которая «относилась к государству как к отечеству» (*Vaterland*) [Данн, 2003, 45].

В этом культурно-политическом движении «образованные слои рейха конституировались в новую национальную общественность, которая не желала более подчиняться диктату дворянства и его франкоязычной культуры» [Данн, 2003, 49].

Великие немецкие поэты и писатели, по меткому выражению Баха, „ведущие личности“, которые считали себя патриотами и влились в Культурное движение, изменили отношение к немецкому языку не только благодаря своему поэтическому и литературному стилю, красивому слогу. Подчеркивая достоинства и особенности немецкого слова как культурное своеобразие

немцев, поэты помогали своему народу сохранять культурную идентичность и не забывать о своих национальных корнях.

Тенденция прославления немецкого языка в поэзии Гёте, Шиллера, Клопштока, Уланда, Рюккerta, Шенкендорфа и др. действительно содержала огромный потенциал особого патриотизма, поскольку необходимо было пробудить в немецком народе любовь к своему родному немецкому языку.

Через „немецкий язык“, через самое мощное оружие культуры, зеркало культуры, патриотическое движение Германии XVIII века предложило решать государственные вопросы, касающиеся объединения и сплочения разрозненной германской нации. Прославление немецкого языка тогда содержало в себе не националистическое превосходство, как может показаться с первого взгляда, а патриотический дух, поскольку, как было сказано выше, высшее общество, воспитанное на французской литературе, не признавало поэта-немца.

Поэты-патриоты выражали свои мечты об объединении страны через название государства, т. е. отечества с названием Deutschland. Поэт Фаллерслебен, автор знаменитой «Песни немцев», которую он написал в 1841 году: «Германия, Германия превыше всего» (Deutschland, Deutschland über alles“).

Эта песня стала тогда выражением протеста против раздробленности отечества, выражением глубоких патриотических чувств, поскольку официальное название государства Германский союз (Deutscher Bund). Разумеется, новые националисты после проигранной Первой мировой войны и национал-социалисты исказили ее смысл и, как известно, считали, что немцы и Германия должны господствовать и в культурном, и в политическом пространстве всего мира. Однако справедливо замечает Томас Манн, что эти стихи к песне являются «выражением надежды на великогерманскую демократию, отнюдь не предполагали, что Германия должна господствовать над всем миром» [Манн, 1960, 283].

Следовательно, для поэтов-патриотов Культурного движения задача заключалась в том, чтобы превратить нравственную идею немецкого отечества в политический факт с названием „Deutschland“. Как известно, вместо этого высокого патриотического понятия и национальной конституции после Освободительной войны с Наполеоном немцы получили союзный акт (от 8 июня 1815 г.) [Данн, 1996, 250].

Следует отметить, что поэт Ф. Клопшток оказал довольно сильное влияние на поэтов Германии, особенно на молодых Гёте и Шиллера. Два стихотворения, которые Клопшток посвятил немецкому языку „Die Sprache“ (1786), „Unsere Sprache an uns“ (1796). Для Клопштока немецкий язык является самым продуктивным языком, и поэт готов защитить его от тех, кто смешивает его с французским (gallizismen), или с английским (verbritten): «Weil ich die bildsamste bin von allen Sprachen, so träumet./ Wer mich verbrittet, ich hass ihn! Mich gallizismet, ich hass ihn! ...» [Klopstock, 1823, 35].

Отношение Клопштока к немецкому языку имеет и особое значение для немецкой культуры. «Подобно тому, как сделал Кант в философии, он начал все сызнова в деле немецкой поэзии и, сосредоточивал в себе как тогдашнее настроение, так и культуру своей родины и своего народа, он, с одной стороны, завершил прошедшее, а с другой – положил основание будущему» [Шерр, 1879-1880, 203].

Оды Клопштока, посвященные *немецкому языку, отечеству* «своим смелым полетом, своим патриотическим настроением, глубиной и пылкостью чувства служат доказательством и для будущих поколений» [Шерр, 1879-1880, 203].

Как было сказано, представители патриотического Культурного движения относились к

государству как к отечеству (Vaterland). Стихи с названием Vaterland есть у Клопштока, Уланда, Рюккерта. Гёте в «Фаусте» также обращается к этому слову и, как патриоты, призывает любить свое отечество:

Dem Erdkreis, der dir angehöret,
Dein Vaterland, o zieh es vor! [Goethe, 1989, 200].

Патриот-философ Фихте смог в 1807 воодушевить своих соотечественников на активные действия против политической авантюры Наполеона и главный акцент он сделал на понятии Vaterland. Согласно Фихте, «любовь к Отечеству должна управлять государством, как самый высший, последний и независимый орган власти, в первую очередь потому, что она ограничит его в выборе средств для достижения его ближайшей цели, внутреннего мира» [Фихте, 2009, 197].

Однако у Гёте и Шиллера есть и анализ губительности войны для личности и культуры.

Гёте жил в раздробленной Германии, но он призывал всех соотечественников отказаться от воинственности, чтобы обрести счастье:

Тот, кто воинственным пылом отравлен,
Миром, единственным
Счастьем, оставлен. [Гёте, 2007, 534-535].

Война является источником победы, славы и горя. Однако ее притягательную силу для мужчины нельзя отрицать. В «Фаусте» Гёте так определяет силу и глубину мужского характера, что так привлекает и очаровывает женщину:

Здесь что ни воин, тот герой.
Лишь тот вниманья женщин стоит,
Кто рад стоять за них горой [Гёте, 2007, 520-521].

Самая главная надежда воина – это, прежде всего, вернуться со славой и победой, хотя такое счастье выпадает немногим:

Дружиной грозной и жестокой,
Любимцы славы и войны,
Смелей вперед, сыны востока,
И вы, о севера сыны! [Гёте, 2007, 521].

О необходимости и запрете войны говорят и спорят лидеры ведущих стран, но, видимо, самый точный ответ на этот вопрос дает Фауст:

Опять война?
Мудрец не любит смут [Гёте, 2007, 550].

Разумеется, славу можно добыть только в войне, поэтому император в «Фаусте» сожалеет об этой упущенной возможности:

Когда б от войн меня не отвращали,
Я б славой был теперь уже покрыт [Гёте, 2007, 558].

Однако и прибыльная сторона войны не ускользает от Гёте, когда Мефистофель восклицает: Война, торговля и пиратство – три вида сущности одной. Ибо и в пиратстве, и в войне действуют одни и те же законы: В ком больше силы, тот и прав. Никто не спросит: «Чье богатство? Где взято и какой ценой?» [Гёте, 2007, 569].

Совершенно очевидно, что Гёте, показывая стремление мужчины участвовать в войне, раскрывает и ее грабительский характер.

В стихотворении «Торжество победителей» (Siegesfest, 1803) Шиллер тоже был против войны, поскольку der Krieg verschlingt die Besten – война проглатывает лучших:

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил ... [Шиллер, 2012, 319-320].

Шиллер надеется: Злому злой конец бывает [Шиллер, 2012, 319]. Однако поэт призывает не забывать тех, кто пожертвовал своей жизнью ради своего отечества:

Кто, на суд являсь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтенный и врагом,
Будет жить в преданьях славы» [Шиллер, 2012, 320].

Шиллер напоминает нам о смысле человеческого существования – это стремление к счастью в рамках определенной культуры:

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено –
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье! [Шиллер, 2012, 318].
Однако Шиллер „рабству“ предпочитает „смерть“:
Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас более не видать!
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы! [Шиллер, 2012, 317].

Но есть ли хоть еще какое-то природное оправдание в стремлении мужчины к войне? Немецкий социолог и антрополог Аммон указывал, что «для жителя северной Европы война – это самое сильное увлечение и дело всей жизни, смерть на поле боя является славой, которой можно позавидовать» (...dem Nordeuropäer der Krieg die höchste Spannung und Betätigung des Lebens, der Tod auf dem Schlachtfeld eine beneidenswerte Ehre ist) [Gartenlaube, 1914, 12-15].

Возвращаясь к характеристике войны, убедительнее всего слова немецкого писателя Ериха Кестнера о древнем, вполне справедливом обычае – «убившего тещу обезглавливают, тот же, кто убивает сотни тысяч, удостоивается памятника». («Wer seine Schwiegermutter totschießt, wird geköpft. Das ist ein uralter verständlicher Brauch. Wer aber Hunderttausende umbringt, erhält ein Denkmal») [Duden, 2008, 768].

Отсюда следует, что слава и героизм ценятся выше человеческой жизни, но и без смерти человека полководец не может себе „добыть“ желанного памятника и увековечить себя. Уничтожить войны, утвердить мир на земле – историческая миссия, которую до сих пор не решила ни одна политическая партия мира. Но в войне погибают не слабые духом и физически, война, «где за отечество из рода в род цвет человечества кровь отдает» [Гёте, 2007, 535].

О бессмысленности использовать войну как единственный разумный способ решения политических вопросов говорит великий культуролог Хёйзинга. Он настоятельно призывает всех политиков, «что нет никакой разумной причины считать, что великие войны этого века или какие-либо войны в прошлом должны были происходить именно так, как они происходили, что

державам нашей планеты было предопределено вступить в битву друг с другом, чтобы уничтожить и себя самих, и культуру» [Хёйзинга, 2010, 201].

Таким образом, „немецкий патриотизм“ Культурного движения „немецкая культурная нация“ был судьбоносным для всех немцев, он выражал национальную идею страны, социальное и культурное единение немецкой нации на основе новой политической культуры. Название этой новой политической культуры – „Deutschland“, название, к которому немцы шли в авангарде с поэзией и литературой как основными компонентами культуры, показав тем самым остальным народам, какая великая созидательная сила заключена в слове, когда им пользуются истинные патриоты отечества.

Однако „немецкий патриотизм“ был использован и после проигранной Первой мировой войны, когда культурная и политическая идентичности немцев в Данциге оказались под угрозой.

Версальский мирный договор лишил часть немцев отечества и возможности использовать немецкий язык. Этим роковым политическим местом стал немецкий Данциг, который, согласно договору, отошел к Польше. Теперь немецкие дети в школе должны были учить польский язык.

Великая мировая война вновь вспыхнула, чтобы вернуть Данциг в культурное и политическое пространство Германии.

Вопрос о начале Второй мировой войны остается для нашей страны, для немцев, для исследователей, для молодого поколения, которое не знает, что такое война, мучительным вопросом, на который существуют разные точки зрения.

Понятия „патриотизм“ и „культура“ в этом контексте играют главную роль, поскольку Вторая мировая война началась именно с обоснования первостепенной и основополагающей роли этих терминов.

Национал-социалисты желали восстановить политическую и культурную справедливость после несправедливого и позорного Версальского договора, они хотели вернуть себе польский (немецкий) Данциг.

Агрессивное поведение национал-социалистов было завуалировано для массового человека в патриотическое чувство.

Два открытых письма Даладье и Гитлера наглядно свидетельствуют об этом. Из немецкой прессы из письма Гитлера ясно следовало, что война в Европе будет.

Обеспокоенный агрессивным поведением Германии в отношении Польши, премьер-министр Франции Даладье 26 августа 1939 г. обратился к рейхсканцлеру Гитлеру со следующим письмом.

Даладье подчеркивал выдающуюся роль «фюрера-миротворца», гибко указывал «фронтовику» Гитлеру на ужасы войны, но предостерегал, что, если все же кровь двух великих народов снова прольется как 25 лет назад, поскольку Франция выполнит взятые на себя обязательства по отношению к Польше, то и французы, и немцы будут бороться до победы. Однако, по словам Даладье, победят варварство и разруха [Allgemeine, 1939].

27 августа 1939 года Гитлер ответил Даладье, он использовал меткие культурологические составляющие концепта „война“: фронтовой солдат, ужасы войны, мужественный противник (Als alter Frontsoldat kenne ich wie Sie, die Schrecken des Krieges, den einstigen tapferen Gegner) [Allgemeine, 1939].

Заметно стилизованный параллелизм между героической фронтовой личностью и личностью, судьбоносной для всего человечества. Нити судьбы мира окажутся в руках Гитлера благодаря Франции и Великобритании, поскольку как гаранты, о чем так пафосно заявлял

Даладьё в письме, не выполняют свой долг по отношению к Польше, не помогут ей.

Гитлер ответил Даладьё:

«Нация с честью не может отказаться от 2 млн. людей. Данциг необходимо вернуть Германии. Я не знаю, как побудить Польшу к мирному решению этого вопроса, поскольку под прикрытием своих гарантов она чувствует себя неприступной» (Für eine Nation von Ehre unmöglich ist auf fast 2 Millionen Menschen zu verzichten. Danzig und Korridor müssen an Deutschland zurück. Ich sehe keinen Weg, Polen, daß sich ja im Schutze seiner Garanten unangreifbar fühlt, hier zu einer friedlichen Lösung bewegen zu können) [Allgemeine, 1939].

Как видно из письма, Гитлер и не скрывал, что речь идет о будущей войне с Польшей, поскольку, на его взгляд, нет мирного пути решения этого вопроса. Гитлер называет себя «старым фронтовым солдатом и понимает всю тяжесть новой кровавой войны между двумя народами», однако, подчеркивает он, для нации с честью и достоинством недопустимо, чтобы отказаться от миллионов своих соотечественников в Польше [Allgemeine, 1939].

Главным „патриотом“ для реализации личной свободы немцев в Данциге и их возвращение в культурное и политическое пространство Германии, разумеется, Гитлер видел себя.

На этом примере мы видим, что понятию „патриотизм“, которое было характерно для патриотической интеллигенции, поэтов „немецкой культурной нации“, теперь присуще противоречие. Восторженное признание новых возможностей для существования мира без войны и воинственности, по сути, являются условием для реализации личной свободы человека и формой сопротивления тем угрозам, которые несет с собой война.

Для Гитлера, напротив, совершенно очевидно – только война может устранить предмет конфликта, связанный с Версальским договором. Однако совершенно очевидно и то, что Гитлер не воспринимает „надежных гарантов“ Польши как сдерживающий фактор на своем приступном пути.

Анализ содержания писем Гитлера и Даладьё указывает на культурологические составляющие концепта „война“ – кровавая война, фронтовой солдат, патриотизм, мирное решение, мужественный противник и т. д.. Однако можно сделать вывод, что Европа чувствовала приближение войны [Allgemeine, 1939].

Было совершенно очевидно, что культурологическое понятие „война“ готово было вторгнуться в политическое пространство государства и тем самым и гражданского общества.

Таким образом, гражданское общество Германии оказалось перед культурным и политическим вызовом. Политическое гражданство людей должно было проявить свою подготовку и зрелость, чтобы не допустить уничтожения человечности, культуры и появления новой политической культуры национал-социализм, которая никогда не была политической традицией немцев. Мощная немецкая культура не смогла противостоять натиску национал-социалистического сектантства без культуры, но с огромным потенциалом человеконенавистничества, придуманного патриотизма и мифом о „создании нового человека“ [Gartenlaube, 1938, 328].

Новая политическая культура Германии национал-социализм изберет название государства Третий рейх, „теория жизненного пространства“ с фёлькиш идеологией станут главными культурно-политическими ориентирами немцев. Культурная коммуникация немецкого общества станет немыслимой без фёлькиш определения любого общественного и культурного явления [Gartenlaube, 1933, 2-1020].

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война.

Начало Второй мировой войны – это парадигма культурно-политического противостояния,

„патриотического порыва“ и как основное противоречие „немецкой культурной нации“. Для национал-социалистов моральным станет то, чего они желали – развязывание Второй мировой войны, но это не было морально по сути. Национал-социалисты нарушили не только культурно-политическую традицию „немецкой культурной нации“, но также договор о „запрещении войны“ от 1928 года, заключенный в Германии [Gartenlaube, 1928, 130].

Поразительно то, что 1 сентября 1939 года понятие „культура“ прикрывало преступный замысел национал-социалистов, служило критерием естественного права для насилия.

Нацизм нашел, как ему казалось, более утонченный способ „нейтрализации“ разразившейся трагедии в глазах мирового сообщества, утверждая, что все искусство в Польше создано исключительно немецкими художниками. Защита отечества (Schutz der Heimat) включала в себя и спасение немецкого искусства (Deutsche Kunst in Polen) в политическом пространстве Польши [Gartenlaube, 1939, 890].

„Все лучшее в польской культуре создано немецкими художниками и благодаря немецкому искусству – камни, по которым сегодня победоносно ступают войска Германии, могли бы рассказать об этом и подтвердить это» [Gartenlaube, 1939, 890].

Внушительный список готических церквей в Кракове и других польских городах, согласно заключению университета в Бреслау – это все творения немецких архитекторов. Разумеется, научные данные подтверждались фотографиями и фамилиями, которые указывали, что эти культурные творения не являются «польским культурным достоянием» [Gartenlaube, 1939, 891].

Далее автор журнала по культуре утверждал, что «не польская „культура“ обогатила Данциг, а напротив, Данциг обогатил польскую культуру» [Gartenlaube, 1939, 891].

Разумеется, передача немецкого Данцига в польское культурное пространство, при котором народ принудительно лишается важнейшего компонента своей культуры – своего родного языка – величайшая трагедия для немецкого народа. То, что так легко было сделано посредством Версальского договора, снова привело к величайшей трагедии XX столетия. Очевидно, немецкую культуру – немецкий язык – для немцев, проживающих в Данциге, следовало спасать. Но захватывать всю Польшу, включая в политические цели и „спасение немецкой культуры“ – очевидный самообман, поскольку великие немецкие мастера на польской территории создавали свои культурные творения не бесплатно.

Национал-социализм проявил в развязывании мировой войны сектантский дух ради политического эгоизма.

Однако «действие культуры заключается в том, чтобы очистить нашу общую человечность от сектантских политических эгоизмов, избавить дух от чувств, вырвать низменное у временного и отделить единство от разнообразия» [Иглтон, 2012, 17].

Культура и политика тесно взаимодействуют. «Культура требует определенных социальных условий, а поскольку эти условия могут включать в себя государство, она тем самым получает политическое измерение» [Иглтон, 2012, 20].

«Культура, следовательно, оказывается противоядием от политики, смягчающим ее узкий, фанатичный кругозор своей апелляцией к уравниловке, своим требованием сохранять безмятежный ум в чистоте, не пятная его тенденциозностью, неуравновешенностью, сектантством» [Иглтон, 2012, 31].

Гёте, Шиллер и Кестнер предложили „противоядие от воинственной политики“, однако идеи национал-социализма на основе террора в культуре и политике на 11 лет создадут в Германии „культурный пробел“.

Хёйзинга предостерегал: «Продолжающаяся вера в целесообразность войны – в самом

буквальном смысле суеверие, пережиток прошлых периодов культуры» [Хёйзинга, 2010, 123].

Это требование Хёйзинги понятно. «Современной войны мир больше не вынесет. Она его искалечит. Она не принесет умиротворения. Ибо дух народов настолько задействован, и к тому же настолько отравлен, что всякая война оставит после себя невыразимо возросшую меру ненависти» [Хёйзинга, 2010, 123].

«Конечные цели войны: мир и безопасность – всегда являются результатом, собственно, не самих военных действий, а истощения сил» [Хёйзинга, 2010, 122].

Проигранная Вторая мировая война и разгром национал-социалистов дает немцам право искоренить из политической терминологии Германии нацистскую терминологию, однако следует помнить о неразрывной связи памяти, истории и идентичности.

Необходимо сохранять память о «самых наихудших и постыдных моментах», поскольку выросло «поколение, которое не знает, что такое так называемый Третий рейх и Вторая мировая война, но на них также возложена ответственность за эти события» [Bulletin, 1998, 917].

Продолжая эту мысль, Герцог призывает помнить эти термины ради жертв и нас самих, ибо, на его взгляд, идентичность народа составляет и доброе, и злое в истории человека и человек не может уже отказаться от плохого.

Согласно Крейгу, это верно, поскольку «не существует способа, естественного или искусственного, полностью отделить людей от их прошлого» [Крейг, 1999, 9].

Таким образом, 1 сентября 1939 года на немецкой политической арене снова востребованным стал „немецкий патриотизм“. Однако богатое культурное и историческое прошлое этого понятия лидерам национал-социалистов не пригодились, они наполнили его новым человеконенавистническим и приступным содержанием для восстановления культурной и политической справедливости.

Однако, по меткому выражению Шиллера, „злому злой конец бывает“, что и доказал национал-социализм как политическая культура.

Заключение

Ценностное осмысление „воинственности“ и „войны“ в поэзии – в основном компоненте культуры – указывают на парадигму общественного совершенствования. Начало Второй мировой войны ознаменовалось культурно-политическим противостоянием, ложный патриотический порыв национал-социалистов стал основным противоречием „немецкой культурной нации“. Влияние исторической памяти и культурной традиции в современной жизни немцев помогает им ориентироваться в будущем, не забывая о жестокостях, вершившимися от их имени нацистами.

Культура должна обладать защитными механизмами, чтобы позволять личности гармонично и всесторонне развиваться и сохранять „цвет человечества“ для культурного созидания.

Библиография

1. Гёте И. В. Фауст. М., 2007. -
2. Данин, Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб., 2003. - 472 с.
3. Иглтон Т. Идея культуры. Москва, 2012. -192 с.
4. Крейг Г. Немцы. Москва, Ладомир, 1999. -390 с.
5. Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Т. 9., 1960.
6. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. СПб., 2010.

7. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009.
8. Шерр И. История всемирной литературы. Т. 1-2. СПб., 1879-1880.
9. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012.- 640 с.
10. Bulletin. Presse-und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn, den 16 November. 1998. №75/ S. 917.
11. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1939-1940.
12. Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12. Mannheim-Leipzig, 2008. 960 с.
13. Gartenlaube, Leipzig, 1914, 1933, 1938, 1939.
14. Goethe J. W. Faust. Erster Teil. Dresden, 1989.
15. Klopstocks sämtliche Werke, Oden. Geistige Lieder. Bd. 7. Leipzig, 1823.

The beginning of the Second world war as the main contradiction of the “German cultural nation”

Fatima K. Fidarova

PhD in cultural studies, Associate Professor,
Department of German language and culture,
Lomonosov Moscow state University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The article analyzes the contradictions of the beginning of the bloodiest war of the XX century: how in the country of great poets and thinkers, for whom the concepts of "patriotism" and "culture" served as a criterion for peace and creative creation, the idea of subjugation and destruction of other cultures and peoples matured.

The era of Goethe and Schiller was marked by the emergence of the concept of "German cultural nation", a concept that focused Germans on cultural creation within the framework of "German patriotism". The concept of "patriotism" in Germany before the great catastrophes of the two world wars for "leading personalities" was associated with the idea of a new and better social order, a centralized state and the cultural identity of the Germans.

Personality is shaped by cultural, social, and historical factors, but we must assume that cultural-symbolic, social, and historical understanding is already integrated into the individual. The cultural movement "German cultural nation" operates with the concepts of "patriotism" and "culture" in the historical and political space, but the value for it is the life of the individual. Goethe and Schiller point out the way that frees the life of the individual from violence and militancy.

The relevance of this topic is to understand the purpose of culture as the meaning of human existence without political and military disasters. The global cultural challenge of the modern era is to exclude war from life as a form of history. Peace, as part of history, cannot be a continuation of war. The "leading personalities" of Germany outlined the cultural and political paradigm of the individual in history and in the conditions that it dictates. In this scheme, there is no place for war, and only wisdom works.

For citation

Fidarova F.K. (2020) Nachalo Vtoroi mirovoi voyny kak osnovnoe protivorechie «nemetskoi kul'turnoi natsii» [Beginning of the Second world war as the main contradiction of the “German cultural nation”]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (3A), pp. 72-82. DOI: 10.34670/AR.2020.59.72.006

Keywords

Patriot, culture, "leading personalities", war, "German cultural nation".

References

1. Goethe I. V. Faust. Moscow, 2007. -
2. Dann, Nations and nationalism in Germany 1770-1990. Saint Petersburg, 2003. - 472 p.
3. Eagleton T The idea of culture. Moscow, 2012. -192 p.
4. Craig G. The Germans. Moscow, Lodomir, 1999. -390 p.
5. Mann T. History Of "Doctor Faustus". Vol. 9., 1960.
6. Hazing Y. Shadows of tomorrow. The people and culture. Saint Petersburg, 2010.
7. Fichte I. G. Speeches to the German nation. SPb., 2009.
8. Sherr I. History of world literature, Vol. 1-2, Saint Petersburg, 1879-1880.
9. Shiller F. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. M.: knigovek Book Club, 2012. - 640 p.
10. Bulletin. Presse-und Informationsamt der Bundesregierung. Bon, den 16 November. 1998. №75/ S. 917.
11. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1939-1940.
12. Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12. Mannheim-Leipzig, 2008. 960 c.
13. Gartenlaube, Leipzig, 1914, 1933, 1938, 1939.
14. Goethe J. W. Faust. Erster Teil. Dresden, 1989.
15. Klopstocks sämtliche Werke, Oden. Geistliche Lieder. Bd. 7. Leipzig, 1823.